

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Сушенцова Мария Сергеевна

**Этические ценности в экономической теории:
историко-методологический анализ.**

Специальность 08.00.01 – Экономическая теория

(Область исследования – 3. История экономической мысли. 3.8. Возникновение новых школ и направлений экономической мысли в условиях трансформации капитализма, краха огосударствленной общественной системы и глобализации экономических процессов. 3.9. Направления взаимовлияния и интеграции различных направлений и школ экономической мысли. – 4. Методология экономической науки. 4.1. Философские, этические и методологические предпосылки экономических теорий. 4.3. Междисциплинарные взаимодействия в экономической науке)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата экономических наук

Москва – 2018

Работа выполнена на кафедре истории народного хозяйства и экономических учений МГУ имени М. В. Ломоносова

Научный руководитель: *Калмычкова Елена Николаевна* – кандидат экономических наук, доцент

**Официальные
оппоненты:** *Макашева Наталия Андреевна* – доктор экономических наук, старший научный сотрудник, главный научный сотрудник отдела экономики ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук»

Тутов Леонид Арнольдович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии экономики ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Расков Данила Евгеньевич – кандидат экономических наук, доцент, исполняющий обязанности заведующего кафедрой проблем междисциплинарного синтеза в области социальных и гуманитарных наук ГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Защита диссертации состоится «30» октября 2018г. в 15 часов 40 минут на заседании диссертационного совета МГУ.08.01 Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 46, экономический факультет, ауд. 318. E-mail: d501.001.23@econ.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»:
https://istina.msu.ru/dissertation_councils/councils/31077980/

Автореферат разослан «___» сентября 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор экономических наук

И. М. Теняков

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.

Актуальность темы исследования. На сегодняшний день методологические основания современной экономической теории переживают кризис, который признаётся большинством исследователей. Мейнстрим экономической теории, опирающийся на унифицированную и высоко абстрактную модель человека, не даёт адекватного объяснения реального поведения агентов. В частности, он не учитывает множества неэкономических факторов мотивации, таких как ценности. Кроме того, общепринятая экономическая теория имеет и нормативную функцию как предписание «правильной» модели поведения в качестве научной, аналитической нормы. В этом смысле экономическое теоретизирование имеет влияние как на стандарты научного мышления, так и на политику. В практическом плане, нарастающая нестабильность мировой экономики, на наш взгляд, не в последнюю очередь обусловлена неопределённостью этических оснований реальных действий агентов, а также отсутствием концептуальных (в том числе нравственных и философских) оснований политики и общественного мнения. В связи с указанными проблемами, представляется целесообразным реконструировать этические основания экономической теории, как в ретроспективе, так и на современном этапе, чтобы расширить спектр философско-методологических предпосылок экономического мейнстрима, а также выявить и критически оценить их явное и неявное нормативное влияние, которое воплощается в политических и институциональных решениях.

Важно отметить, что этические ценности, лежащие в основе экономических построений прошлого и, неявно, современности, в XX веке были выдворены за пределы «чистой теории» [Hands, 2008]¹. Несмотря на то, что наука об экономике возникла на базе моральной философии, её развитие и специализация была связана с забвением своего «духовного родства» [Булгаков, 2007; Булгаков, 2009, 43]. И лишь с 1970-х годов возродился интерес

¹ Полные библиографические данные цитируемых в автореферате работ приведены в списке использованной литературы основного текста диссертации.

к изучению методологических и философских оснований экономического познания, неотъемлемой частью которых являются представления о модели экономического поведения, её мотивации и ценностях. Этот «методологический бум» был характерен в основном для стран Европы, Англии и Америки, и проявился в появлении специализированных научных журналов, таких как «Economics and Philosophy», «Journal of Economic Methodology», «Social Choice and Welfare», «Business Ethics Quarterly» и соответственно, растущего потока исследований по данной теме [Ананьин, 2005, 10-11]. В частности, возникло самостоятельное исследовательское направление «Этика и экономика». Данное исследование находится в русле этой наметившейся тенденции и направлено на продвижение анализа философско-этических оснований экономической науки, в том числе ознакомление отечественной научной общности с новейшими разработками западных авторов в этой области.

Степень научной разработанности проблемы.

Зарубежная литература по теме настоящего исследования представлена гораздо обширнее, чем работы отечественных авторов. Она включает несколько направлений, связанных с вопросами взаимодействия этики и экономической теории.

Наиболее современными и актуальными для темы данной диссертации являются *обзорные исследования по взаимодействию этики и экономики*. Среди них выделяются фундаментальные работы Д. Хаусмана и М. Макферсона (США), А. Сена (Индия), А. Риха (Германия), П. Козловски (Германия), А. Божар (Франция). Также комплексным исследованием темы занимались Э. Андерсон, К. Ротшильд, Р. Сагден, Д. Викерс, Л. Хосмер, Ф. Чен, Д. Хэндс, С. Хип. *Отдельные аспекты* взаимодействия этики и экономической теории исследовали Дж. Бьюкенен, Р. Хэмрин, Р. Сагден, Г. Стил, Л. Бруни, Б. Маккуиллин, Л. Паттерман, Дж. Рёмер, Дж. Сильвестр. Большое значение для темы исследования имеют также работы, посвящённые развитию концепции *экономической рациональности* в целом (К. Лаваль, Г. Беккер, Д. Канэман, А.

Тверски, К. Биччери, Л. Блюм, Д. Исли), и с точки зрения проблемы учёта этических ценностей в её рамках (А. Сен, С. Хип, М. Холлис, Э. Нэлл, Г. Стил, Р. Сагден, К. Уолкер). Некоторые фундаментальные труды по общей *истории экономической мысли* (М. Блауг, Л. Роббинс, Р. Хайлбронер), а также по этическим взглядам отдельных экономистов и философов (Б. Рассел, Н. Сиге, П. Кристенсен, Я. Кепплер, П. Тарпин, М. Шевчук, Д. Хаусман) содержат критические комментарии по моральной составляющей теорий экономистов прошлого, в особенности А. Смита и Дж. С. Милля. Обогащают понимание взаимоотношений этики и экономического познания и работы по общей *экономической методологии* М. Блауга, Д. Гордона, Д. Хаусмана, поскольку дают общие ориентиры во взаимодействии позитивного и нормативного подходов в экономической методологии. К теме настоящей диссертации также косвенно относятся работы энциклопедического характера по *предмету и истории этики* как дисциплины, а также по истории философии, в которых освещаются морально значимые взгляды отдельных экономистов. Таковыми являются работы М. Слоута, Р. Криспа, Р. Дауни, С. Блэкбёрна, Б. Рассела, Д. Гильдебранда.

Итак, несмотря на обширность и разнообразие зарубежных источников по теме, они переведены на русский язык в малом объёме и очень скудно введены в отечественный научный оборот. Кроме того, в исследовании взаимодействия этики и экономической науки преобладает или методологический уклон, или историко-экономическая направленность. Причём акцент в исследовании этических проблем экономического поведения ставится, как правило, на проблеме социальной справедливости и измерителях благосостояния, прямой анализ этических ценностей встречается крайне редко.

Работы **отечественных авторов**, прямо или косвенно освещающих вопросы этики и экономики, можно подразделить на несколько типов, в зависимости от степени углубления в данную тему.

Работы Н. А. Макашевой, Е. Н. Калмычковой, И. Г. Чаплыгиной, Г. Б. Клейнера, Д. В. Мельника, посвящённые *этическим и философским аспектам*

экономической мысли, представляют систематизированный анализ влияния моральных представлений на содержание отдельных экономических концепций. Однако в них почти не представлены нормативные экономические теории второй половины XX века. Исключение составляют лишь работы А. М. Орехова, а также Д. А. Морева, в которых рассматриваются новейшие разработки в области теории справедливости Дж. Ролза, Р. Арнесона, Дж. Козна, Дж. Рёмера и А. Сена. Более специальные исследования, которые затрагивают также и *методологические аспекты взаимодействия этики и экономической теории*, опубликованы И. Г. Чаплыгиной, Е. Г. Гавриной, Т. Б. Коваль, А. М. Орехова, Д. Ш. Гогохии, Р. Г. Хаиткулова. В данных работах предприняты попытки осветить отдельные аспекты пересечения этических и экономических проблем через понятия нормы (Чаплыгина), справедливости (Орехов), времени (Хаиткулов), форм междисциплинарного взаимодействия двух наук (Гаврина). Отражению экономических вопросов в религиозной этике посвящены специальные работы Т. Б. Коваль и И. Г. Чаплыгиной. Работы, посвящённые анализу *антропологических предпосылок* экономической науки, как в историческом, так и в методологическом разрезе, принадлежат перу В. С. Автономова, А. Е. Шаститко, Л. А. Тутова, А. А. Раквиашвили, Г. К. Рузавина. Поскольку ядром их анализа является модель человека, то этическим предпосылкам уделяется относительно небольшое внимание. Наконец, следует отметить исследования в области *общей методологии экономической науки* О. И. Ананьина, А. В. Одинцовой, И. А. Болдырева, А. М. Орехова, П. А. Отмахова, О. Б. Кошовец, Л. А. Тутова, Е. Г. Гавриной, В. М. Полтеровича, И. В. Филатова, И. Г. Чаплыгиной, в которых роль этики освещается с точки зрения соотношения нормативного и позитивного познания, философии и экономической науки в целом, общей эволюции методологии науки.

Степень разработанности настоящей темы в отечественной литературе в целом можно охарактеризовать как слабую. Помимо того, что написано мало специальных работ по теме исследования, главная проблема отечественной литературы заключается в отсутствии комплексного, обзорного исследования

по проблемам взаимодействия этики и экономической науки, в частности по анализу этических предпосылок самой экономической теории.

Целью настоящего диссертационного исследования являются выработка общего методологического подхода к взаимодействию этики и экономической науки, и выявление на его основе этически значимых предпосылок экономических теорий прошлого и современности. Таким образом, в формулировке цели исследования выделяются два аспекта: методологический и историко-экономический.

Для достижения данной цели были поставлены и решены следующие **задачи**:

Методологический аспект:

1. Обозначить условия совместного рассмотрения этических и экономических проблем.
2. Разработать схему анализа экономических концепций на предмет их этического содержания.

Историко-экономический аспект:

3. Обозначить общее соотношение между методологическими принципами и этическими ценностями в эволюционном развитии экономической мысли.
4. Установить взаимосвязь этических представлений экономистов разных эпох с эволюцией модели экономической рациональности как комплекса антропологических предпосылок экономической науки.
5. Выявить основные закономерности в этическом содержании экономических теорий.
6. Обозначить общие принципы влияния этических ценностей на экономические воззрения.

Предметом исследования выступает влияние этических ценностей на методологию и содержание экономических теорий.

Объектом исследования являются теории экономического мейнстрима XX – начала XXI века, имеющие методологическое и нормативное значение, а

также предшествующие им концепции классических экономистов и моральных философов XVII-XIX веков.

Теоретико-методологическая база исследования. В ходе выполнения исследования использовались методы индуктивного и дедуктивного анализа, а также сочетание сравнительного и исторического метода для комплексного освещения главной проблемы. Личный вклад автора выразился в разработке метода междисциплинарного анализа этической компоненты экономических концепций и его приложении к экономической мысли прошлого и современности. Он был сформирован на основе обзорной работы П. Козловски «Принципы этической экономии», а также работ А. А. Гусейнова, Д. Гильдебранда, М. Слоута, Р. Дауни, посвящённых определению предметных рамок этики как науки. Суть его можно охарактеризовать как дедуктивное продвижение от общих проблем пересечения предметов этики и экономической теории к их более частным проявлениям, которые рассматриваются с помощью единой трёхчастной схемы, позволяющей связать основные понятия этики с проблемами экономической координации.

Информационно-эмпирической базой исследования служат трактаты, эссе, памфлеты классических экономистов и моральных философов XVII-XIX веков, а также монографии, эссе и научные статьи экономистов, философов и методологов науки XX-XXI веков. Среди мыслителей прошлого использованы работы Дж. Локка, Т. Гоббса, Б. Мандевиля, Ф. Кенэ, А. Смита, Д. Рикардо, Дж. С. Милля, И. Бентама, Л. Вальраса, К. Менгера, У. Джевонса, А. Маршалла, а также критические работы отечественных авторов начала XX века и современные публикации из российской и зарубежной периодической печати (указанные в обзоре литературы). В анализе экономических теорий XX-XXI веков были использованы, помимо указанных в обзоре литературы, научные статьи, лекции, эссе и монографии Л. Мизеса, Л. Роббинса, Ф. Найта, П. Самуэльсона, М. Фридмана, а также Г. Беккера, Д. Канемана, П. Словика, А. Тверски.

Научная новизна диссертации. В отечественной научной литературе впервые проводится комплексный и систематический анализ концептуальных основ взаимодействия этики и экономической науки, а также этических предпосылок экономических теорий в их эволюции. Большинство современных нормативных экономических концепций впервые вводится в отечественный научный оборот. В контексте имеющейся зарубежной литературы, вклад данного исследования состоит в том, чтобы с помощью единой комплексной схемы этического подхода проанализировать эволюцию экономических концепций. Кроме того, данное исследование призвано лучше познакомить отечественного читателя с зарубежными разработками в области этики и экономики.

Научная новизна исследования отражает два аспекта – методологический и историко-экономический, и содержит следующие положения:

Методологический аспект:

1. Выделены три *методологических условия пересечения* этики и экономической науки (в порядке от общего к конкретному):

1) объект исследования экономистов, который содержит этически значимые характеристики (влияние субъекта не рассматривается);

2) определение предмета экономической науки как человеческое поведение (а); иное определение предмета - через материальные объекты (б) или условия экономической среды (в), исключает релевантность этического контекста;

3) степень освещения двух проблем в анализе экономического поведения: а) свободы воли и форм детерминизма, б) мотивации и понятия блага. Была показана взаимосвязь выбора метода (форм детерминизма) и реального этического содержания экономических теорий (характера мотивации и ценностей).

2. Составлена специальная *схема анализа* этического содержания экономических концепций, удовлетворяющих вышеперечисленным условиям. Она отражает три основные проблемы этики, с точки зрения которых были

последовательно рассмотрены теории экономистов разных периодов и научных школ, и таким образом, задаёт структуру каждой главы диссертации:

- 1) Источник морального блага (или принцип его познания)
- 2) Сущность морального блага и соответствующая иерархия ценностей
- 3.1) Согласование ценностей и желаний (внутренняя координация)
- 3.2) Согласование индивидуальных и общественных целей (общественная координация).

Таким образом, первые два пункта научной новизны представляют собой единый методологический подход к совместному рассмотрению вопросов этики и экономической теории. В связи с этим, данную работу можно считать междисциплинарным исследованием в специальной области, которая в западной литературе получила название «этика и экономика».

Историко-экономический аспект:

3. Установлено *соотношение между методологическими принципами и этическими ценностями* в эволюционном развитии экономических теорий: по мере развития позитивного метода наблюдался постепенный уход от явного морального контекста в анализе экономического поведения. В этом процессе было выделено четыре этапа, которые задают хронологическую структуру работы:

- 1) механистический метод естественных наук (XVII-XVIII вв.);
- 2) «специальный» метод экономической науки (XIX в.);
- 3) «универсальный» метод экономической теории (1-е две трети XX в.);
- 4) методологический плюрализм (кон. XX – нач. XXI в.).

4. Установлена взаимосвязь этических представлений экономистов разных эпох с эволюцией модели экономической рациональности как комплекса антропологических предпосылок экономической науки. В этой связи, автор продемонстрировал постепенный процесс *обособления понятия рациональности от моральных оценок*, который соответствует четырём методологическим этапам:

- 1) отделение общественно полезных мотивов от нравственных качеств;

2) сведение добродетели к «просвещённой» экономической рациональности;

3) рациональность без определённого этического содержания;

4) пересмотр рациональности с учётом морали.

5. Выявлена *фундаментальная двойственность этического содержания* экономических концепций, которая отражает дилемму между позициями этического субъективизма и объективизма. На ранних этапах (XVII-XVIII вв.) эта дилемма явно отражалась в моральных теориях философов и экономистов – в выборе источника и сущности моральных ценностей, - объективного блага (абсолютной или общественной природы) или субъективных желаний. Для утилитаристов XIX века, дилемма приобрела вид противоречивого взаимодействия индивидуальных и общественных интересов – свободы и элементов общественного «воспитания». В экономических теориях XX столетия выбор между системами ценностей отразил водораздел, во-первых, между объективной и субъективной концепциями полезности (первые две трети XX века), во-вторых, между индивидуальной полезностью и подходом возможностей в измерении «блага» (конец XX – начало XXI века). С этой точки зрения всё развитие этических предпосылок в экономической мысли напоминает движение «маятника» или цикла, которое происходит между крайними позициями в рамках данной дилеммы.

6. Выявлены общие принципы *влияния этических ценностей на экономические воззрения*: в прямой форме (в качестве нормативных утверждений, не подлежащих анализу), и косвенной (выбор ценностей определяет способ внутренней и общественной координации). Прямое использование этических принципов в обосновании экономических рассуждений было характерно в большей степени для теорий XVII-XVIII веков, а также частично – для утилитаристов XIX века. Косвенное влияние этических принципов, приписываемых экономическому поведению, на выводы теории, имело место во все эпохи, лишь с разными акцентами. В целом оно состоит в выборе форм социально-экономической координации – эволюционно-

рыночной или конструктивистско-регуляционистской – в зависимости от постулирования характера ценностей, соответственно, - субъективных или объективных. В экономической мысли XX – начала XXI столетия этому соответствует выбор оснований социальной справедливости (взаимная выгода или обязательства сильного) и акцентов в её понимании (на эффективность или распределение).

Теоретическая и практическая значимость работы.

Результаты данного исследования вскрывают глубинную взаимосвязь этических ценностей и экономических категорий, которая зиждется на сложности анализа многогранной человеческой деятельности. В методологическом плане это ставит под сомнение тезис о том, что экономическая теория подобна этически нейтральному естествознанию, для которого единственным плодотворным инструментом анализа служит позитивный метод. В философско-этическом смысле это означает необходимость более открытого обнародования ценностной платформы экономических концепций, которая призвана концептуально сблизить экономическую теорию с политикой, а также смежными научными областями. Общие выводы работы также способствуют пониманию циклической природы развития экономики, которая связана не только с материальными факторами (движением капитала), но и с идейными «волнами».

Полученные результаты могут быть широко использованы не только в преподавании общих курсов по истории экономической мысли, философии и методологии науки, но и при разработке специальных курсов, таких как «Этика и экономическая теория», «Междисциплинарные направления в экономической теории» и пр. Результаты данного исследования могут использоваться при выработке концептуальных основ внутренней политики, как общей идеологической платформы, так и стратегии развития в социально значимых сферах, таких как культура, наука, семья, здравоохранение, образование. Кроме того, они могут быть применимы для осмысления и конструирования институциональной структуры общества, в частности негосударственных

общественных образований, формирующих общественное мнение по разным вопросам (комитеты, общества, институты, «мозговые» центры и др.).

Достоверность сделанных в диссертации выводов подтверждается коллективным анализом кафедры истории народного хозяйства и экономических учений.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Диссертационное исследование соответствует нижеследующим пунктам паспорта специальности 08.00.01 - Экономическая теория:

3.8. Возникновение новых школ и направлений экономической мысли в условиях трансформации капитализма, краха огосударственной общественной системы и глобализации экономических процессов.

3.9. Направления взаимовлияния и интеграции различных направлений и школ экономической мысли.

4.1. Философские, этические и методологические предпосылки экономических теорий.

4.3. Междисциплинарные взаимодействия в экономической науке.

Апробация результатов исследования.

Основные тезисы настоящей диссертации докладывались на XIX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (Москва, НИУ ВШЭ, 2018); Российских экономических конгрессах (Москва, НЭА, 2016; Суздаль, НЭА, 2013); Международном молодёжном научном форуме «Ломоносов-2016» (Москва, Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2016); Ежегодной конференции кафедры философии и методологии экономики «Философия и методология экономики: предметные рамки и направления развития» (Москва, Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2015); заседании кафедры истории народного хозяйства и экономических учений в рамках Московского фестиваля науки (Москва, Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012); заседании сектора методологических исследований экономической науки ИЭ РАН (Москва, ИЭ РАН, 2012); Международной

научной конференции «Наследие о. Сергия Булгакова в современном социогуманитарном дискурсе» (Киев, Киевский Национальный Университет им. Т. Шевченко, 2011).

Результаты, полученные в ходе данного исследования, были использованы также в преподавании различных вариантов курса «История экономических учений» на факультетах экономических наук, мировой экономики и политики, социологии НИУ ВШЭ (с 2010 года), а также послужили основой для разработки и преподавания авторского курса «Философия и методология экономической науки» для магистров факультета «Московская школа экономики» МГУ им. М. В. Ломоносова по специальности «Экономическая теория», который с 2010 года стал регулярным.

Основные результаты диссертации прошли достаточную апробацию и были отражены в 7 публикациях общим авторским объемом 6,86 п.л., в том числе: в рецензируемых научных изданиях из Списка МГУ по экономическим специальностям - 3 статьи, в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК Минобрнауки России – 1 статья. Опубликованные работы достаточно полно отражают основное содержание диссертации.

Объём, логика и структура диссертации обусловлены целью и задачами исследования, сформулированными автором. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка используемой литературы. В тексте работы содержатся таблицы.

ВВЕДЕНИЕ.

ГЛАВА 1. ЭТИКА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА: ОБЩЕЕ ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ.

1. Предмет этики и экономической науки: условия пересечения.

1.1. Структура этики как научной дисциплины.

1.2. Роль этики в связи с определением предмета и метода экономической науки.

2. Этическое и экономическое в работах А. Смита и Дж. Локка (1 этап).

2.1. Двойственная природа ценностей в этических концепциях А. Смита и Дж. Локка.

2.2. Этические аспекты экономических проблем и координация интересов по А. Смиту и Дж. Локку.

ГЛАВА 2. ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ УТИЛИТАРИЗМА: ЭТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ.

1. Формирование этики утилитаризма в трудах Т. Гоббса и Б. Мандевиля.
 - 1.1. Происхождение этики: аффекты versus естественный закон.
 - 1.2. Аффекты, институты и благосостояние: проблема координации.
2. Этические концепции И. Бентама и Дж. С. Милля (2 этап).
 - 2.1. Источник моральных норм: переход к наблюдаемым явлениям.
 - 2.2. Сущность этических ценностей: от добродетели к рациональности.
 - 2.3. Общественная координация: синтез индивидуальных и общественных интересов.
3. Дж. С. Милль о методологии экономической науки и её связи с этикой.
 - 3.1. Разделение нормативного и позитивного аспектов экономической науки.
 - 3.2. Специализация экономической науки и её отделение от этики.

ГЛАВА 3. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА И ЭТИКА В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: РАЗДЕЛЕНИЕ ИЛИ СИНТЕЗ?

1. Методологический отказ экономической науки от этики в первых двух третях XX века (3 этап).
 - 1.1. Экономическое поведение вне этики: от К. Менгера до А. Маршалла.
 - 1.2. Роль этики в экономическом познании: несостоявшаяся дискуссия 1920-40-х гг. (Л. Роббинс, Л. Мизес versus Ф. Найт).
 - 1.3. Пересмотр критериев позитивизма в методологии науки (М. Фридман versus Т. Кун, И. Лакатос).
2. «Возвращение» к этике: дискуссии о нормативном содержании экономической теории в конце XX – начале XXI века (4 этап: Д. Хаусман, М. Макферсон, Р. Сагден, А. Сен, А. Божар, П. Козловски).
 - 2.1. Содержание целевой функции экономических агентов: пределы субъективизма.
 - 2.2. Ценности, лежащие в основе нормативной экономической теории.
 - 2.3. Рациональность и соображения морали: проблема согласования.
 - 2.4. Общественная координация: рыночная эффективность versus распределительная справедливость.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТЫ, ВЫНОСИМЫЕ НА ЗАЩИТУ.

Методологический аспект.

1. Выделены три методологических условия пересечения этики и экономической науки (в порядке от общего к конкретному):

1) Самым общим уровнем пересечения этики и экономической науки является *объект их исследования*. Для того, чтобы этика имела значение для экономического познания, представления об объекте последнего должны включать в себя этически значимые характеристики (например, нравственные ценности). Характеристика субъекта исследования (учёного) с точки зрения его влияния на объект, остаётся за рамками данного исследования.

2) Исходя из этого условия, общее соотношение этического и экономического зависит от определения *предмета экономической науки*, которое исторически имело три варианта: 1) материальные объекты (теории Ф. Кенэ, Д. Рикардо, Л. Вальраса), 2) условия экономической среды (теории К. Маркса и институционализма (старого и нового), теории конкурентного отбора Р. Нельсона, С. Уинтера, А. Алчиана, «расширенного порядка» Ф. Хайека), 3) экономическое поведение (теории и методологические позиции А. Смита, Дж. С. Милля, А. Маршалла, Л. Роббинса, мейнстрим экономической теории XX и начала XXI века).

В первом случае исключение из анализа категорий этики может достигаться либо при рассмотрении всей экономической действительности как материальной системы (например, в терминах «биологической структуры» хозяйства Ф. Кенэ), либо с помощью выделения в её рамках особого типа безличных фактов, составляющих предмет собственно научного познания (таковы законы меновой стоимости у Д. Рикардо и Л. Вальраса). Второй путь исключения из анализа этического контекста связан с поиском такого объективного критерия, который бы регулировал деятельность агентов извне, будучи параметром экономической среды. Концептуально выявилось два варианта такой интерпретации среды – на основе *институтов* (разнородные

позиции К. Маркса, Т. Веблена, Дж. Ходжсона) или через эволюционный конкурентный **отбор** (взгляды А. Алчиана, Р. Нельсона, С. Уинтера и Ф. Хайека). Ценности, в отличие от институтов, имеют самостоятельное значение для того, кто их принимает, и предполагают *внутренний механизм* принуждения (который называют совестью или чувством долга), а не только выполняют функцию внешнего регулятора индивидуальных действий, как институты. В эволюционных экономических теориях, включая позицию Хайека, экономическая действительность описывается как процесс «естественного» отбора наиболее эффективных схем поведения и правил. Таким образом, субъекты предстают как пассивные элементы системы, в которой активную роль играет среда – именно она производит экономический отбор. Наконец, максимальное проникновение этических аргументов в экономический анализ достигается при выборе *поведения* в качестве предмета исследования экономистов. В этом случае мотивация агентов имеет решающее значение, тем самым актуализируется влияние ценностей на индивидуальный выбор.

3) Коль скоро предметом экономики является человеческое поведение, актуальность этики для неё зависит от освещения двух морально значимых проблем: а) свободы воли и форм детерминизма б) мотивации и понятия блага. Решение первой проблемы соответствует определению *метода* экономической науки, решение второй – её *этическому содержанию*. Как именно понимается свобода, и какая форма детерминизма используется экономистами, определяет, в какой степени актуализируется этическая релевантность поведения как предмета анализа. Различные варианты детерминации поведения в экономической науке исторически смыкаются с эволюцией её методологического стандарта, прежде всего с процессом распространения позитивизма как метода исследования.

2. Составлена специальная схема анализа этического содержания экономических концепций, удовлетворяющих вышеперечисленным

условиям. Она отражает три основные проблемы этики, с точки зрения которых были последовательно рассмотрены теории экономистов разных периодов и научных школ, и таким образом, задаёт структуру каждой главы диссертации:

- 1) Источник морального блага (или принцип его познания)
- 2) Сущность морального блага и соответствующая иерархия ценностей
- 3.1) Согласование ценностей и желаний (внутренняя координация),
- 3.2) Согласование индивидуальных и общественных целей (общественная координация).

Пункты 1-2 обобщают *содержательный* аспект этики как дисциплины, который охватывает определение понятий смысла жизни, добра в противоположность злу, высшего *блага*. Пункты 3.1-3.2 отражают *формальный* аспект этики, определяющий характер отношения к реальности в форме императива, *нормы* поведения, в рамках которого возникают более конкретные вопросы: во-первых, как согласуются требование нравственного долга и желания, стремление к счастью; во-вторых, как личные интересы соотносятся с общественными в свете осознания этической ценности. Формальная этика должностования, таким образом, содержит две самостоятельных проблемы, наиболее актуальные для экономической теории: внутренней разнородности и согласования предпочтений (мотивов) в рамках индивидуального выбора (а) и внешней координации индивидуальных и общественных целей (б) [Гусейнов, 1985].

В той степени, в которой экономическая теория конструирует определённое представление о мотивации экономических агентов, данная схема позволяет взглянуть на неё с точки зрения иерархической пирамиды этики. В зависимости от того, как понимается моральная ценность, выстраивается вся дальнейшая цепочка согласования мотивов, касающихся не только внутреннего выбора, но и внешнего взаимодействия с обществом. Таким образом, именно взаимосвязь понятия блага с проблемой координации позволяет связать предмет этики с экономическими вопросами.

Историко-экономический аспект.

3. Установлено соотношение между методологическими принципами и этическими ценностями в эволюционном развитии экономических теорий: по мере развития позитивного метода наблюдался постепенный уход от явного морального контекста в анализе экономического поведения. В этом процессе было выделено четыре этапа, которые задают хронологическую структуру работы.

1) *механистический метод естественных наук.* Для философии Нового времени, в частности для работ английских моралистов и экономистов XVII-XVIII вв. (Т. Гоббс, Дж. Локк, Б. Мандевиль, А. Смит) механика Ньютона стала ориентиром в поиске объективных законов социального взаимодействия по поводу материальных ресурсов. Чтобы интерпретировать поведение в терминах бессознательной и пассивной материи (которая может приводиться в движение только внешним воздействием), необходимо было выявить фундаментальные, универсальные и неизменные свойства человеческой природы, которыми бы однозначно детерминировалось индивидуальное взаимодействие с внешней средой. В то же время, претензия этого описания человека на объективность, предопределила нормативный характер его содержания. В частности, выявление своего рода нравственного «механизма» в человеке увязывалось в той или иной степени с религиозным мировоззрением.

2) *«специальный» метод экономической науки.* Основная методологическая тенденция в экономической науке середины XIX века состояла в ослаблении претензий на универсальные истины и точность, характерные для моральной философии Нового времени. Этот поворот был закреплён в новом определении метода и предмета экономической науки в работах Дж. С. Милля. Он предложил использовать для социальных наук смешанный метод индукции и дедукции, который, в отличие от точных наук, ставит акцент на дедуцировании экономических законов из первоначальных гипотез, опирающихся на обзор типичных явлений, которые рассматриваются как единственная «большая причина». В качестве такого типичного, а значит и

исключительного экономического мотива, Милль предлагает рассматривать стремление к богатству. Это представляется ему необходимым условием научного прогресса, «ценой» специализации экономической науки и, как следствие, обособления от этики и других социальных дисциплин.

3) *«универсальный» метод экономической теории.* Для *первых двух третей XX века* было характерно стремление перестроить методологию экономической науки в соответствии с требованиями позитивизма (К. Менгер, У. Джевонс, А. Маршалл, Л. Мизес, Л. Роббинс, М. Фридман). Это выразилась в методологическом отделении экономической науки от этики в три этапа. Во-первых, инструментализм А. Маршалла позволил ему перейти от прямого анализа экономической деятельности к её косвенному измерителю (денежной форме), тем самым дистанцироваться от влияния моральных норм и расширить границы экономического предмета. Во-вторых, Л. Роббинс и Л. Мизес, синтезируя априоризм К. Менгера и инструментализм А. Маршалла, переопределили анализ экономической деятельности через соотношение целей и средств, где цели заданы как формальные параметры, субъективно определяемые человеком. На третьем этапе, акцент в анализе был перенесён с предпосылок на эмпирическую проверку: М. Фридман предложил иное понимание научной объективности - как точности предсказаний. Таким образом, в методологии экономической науки произошёл переход от априоризма к прагматизму.

В противоположность этой тенденции, Ф. Найт выступил с критикой исключительности позитивного метода в экономическом познании, в частности, трактовки целей экономических агентов как фиксированных параметров, которая не нашла поддержки в мейнстриме. По его мнению, желания (воспринимаемые как содержание целей) являются не исходной константой, а продуктом реализации ценностей, содержательный анализ которых доступен только этике. Её роль может выразиться в использовании экономистами относительно абсолютных «ценностных стандартов», отбор

которых производится менее строгими методами, такими как здравый смысл - «судить трезво» [Найт, 2009, 43].

4) *методологический плюрализм*. В *последней трети XX века* развитие позитивной науки, сопровождавшееся последовательным исключением нормативных элементов (М. Фридман, К. Поппер, П. Дюгем, У. Куайн) привело к её внутренним противоречиям и кризису. Следствием этого стало, с одной стороны, признание комплекса мировоззренческих факторов частью предмета научного (в том числе позитивного) исследования (Т. Кун, И. Лакатос), с другой, - разочарование и скептицизм в отношении научного поиска истины, переведшие его в русло риторики (Д. Макклоски, А. Кламер).

Это дало основание, во-первых, для более пристального изучения нормативной составляющей экономической теории, во-вторых, для перевода вопроса о правильности метода в содержательное русло. К *концу XX – началу XXI века* это нашло отражение в усилении *философско-методологической рефлексии* внутри самой экономической теории (А. Сен, Р. Сагден, Д. Хаусман, М. Макферсон, Дж. Бьюкенен, А. Божар, Н. Сиго, П. Козловски).

4. Установлена взаимосвязь этических представлений экономистов разных эпох с эволюцией модели экономической рациональности как комплекса антропологических предпосылок экономической науки. В этой связи, автор продемонстрировал постепенный процесс обособления понятия рациональности от моральных оценок, который соответствует четырём методологическим этапам.

1) У философов и экономистов XVII-XVIII веков намечается *отделение мотивов, полезных для общественной жизни и экономики, от нравственных качеств*. У А. Смита и Дж. Локка это выражается в использовании двух различных этических принципов – абсолютного и относительного – при стремлении к их примирению. Постулируя, что источником моральных ценностей является Бог («вертикальный» принцип), Локк и Смит признают необходимость человека руководствоваться в общественном взаимодействии

«горизонтальными» принципами: «симпатией» (Смит) и «справедливостью» как мотивом «сохранения собственности» (Локк). У Т. Гоббса и Б. Мандевилья противопоставление разумного и нравственного радикально ужесточается. Опираясь в определении морального блага на субъективное удовольствие (гедонизм), Гоббс и Мандевиль видят необходимость в институциональном конструировании добродетели «сверху» - как сдерживающего принципа, который бы стал залогом мирного существования общества (Гоббс) и экономического развития (Мандевиль).

2) В трудах утилитаристов XIX века (И. Бентама, Дж. С. Милля) происходит смысловой *переход от добродетели к рациональности*. Суть его состоит в развенчании понятия добродетели как самостоятельной ценности (трансцендентной сущности), и сведении её к «просвещённой» экономической рациональности (долгосрочному видению своих интересов). В этой трансформации было выделено два аспекта: 1) методологический: замена категорий должного (конечных целей) наблюдаемыми явлениями, 2) этический: синтез понятий долга и желания в концепции счастья (удовольствия), которое рассматривается как единственная конечная цель человеческой жизни. С точки зрения утилитаристов, суть этически правильного поведения состоит в расчёте долгосрочных и общественно значимых последствий индивидуальных действий. Поскольку моральная оценка касается только общественно значимых последствий, индивидуальные цели и мотивы выходят из-под этического контроля и устанавливаются человеком произвольно. Наконец, преодоление традиционного конфликта долга и счастья создаёт возможность для выработки единой шкалы предпочтений (разнородных, но сравнимых), а также увеличения возможности количественно оценить сумму счастья (Бентам – с кардиналистской точки зрения, Милль – с ординалистской).

3) В начале XX века общепринятым описанием мотивации агентов стало понятие *рациональности без определённого этического содержания* (К. Менгер, А. Маршалл), которое было затем уточнено Л. Мизесом и Л. Роббинсом как оптимизация средств в соответствии с заданными целями.

Поскольку субъективизм целей и ценностей воспринимался как требование позитивизма, преобладал *инструментальный* взгляд на экономическую рациональность – как требование максимизации полезности, и затем - как характеристика согласованности предпочтений. Единственной приемлемой формулировкой содержания целей экономических агентов признавалось предпочтение большего благосостояние меньшему (личный интерес). На наш взгляд, именно в этом аспекте проявляется этическая нагруженность понятия рациональности, поскольку в «презумпции» личного интереса подразумевается опора на *ценность благополучия*, понимаемого как благосостояние (материально) или счастье (ментально).

Несмотря на бурное развитие инструментальных ограничений модели рациональности во второй половине XX века, представление об индивидуальных целях осталось вне критического анализа, и даже было «экспортировано» за пределы экономической теории. Так, несмотря на эмпирическое опровержение условий согласованности предпочтений («эффекты оформления») в теориях Канэмана, Словика и Тверски, в центре мотивации агентов, по их мнению, находится «гедонистический опыт», то есть стремление к переживанию удовольствия и снижению страданий [Канеман, Словик, Тверски, 2005, 34-36; Канеман, Тверски, 2003]. Это означает возврат к счастью как фундаментальному нормативному критерию, и отказ от выявленных предпочтений как плохого *измерителя* счастья.

С другой стороны, в рамках экономического «империализма», Г. Беккер обосновывает универсальность экономического подхода через однородность всех мотивов – их принципиальную *сравнимость* на одной шкале оценки. Это предполагает наличие общего знаменателя – единицы удовлетворения – о котором писал не только И. Бентам, но и А. Маршалл. Однако с точки зрения этики, принципиальная сравнимость любых благ изначально исключает конфликтность моральных и рациональных аргументов – соображений долга и пользы. В терминах современной нормативной экономической теории, Беккер

игнорирует проблему множественности предпочтений и их потенциальной конфликтности.

4) В связи с этим, в современной нормативной экономической теории конца XX века получила развитие проблема *соотношения моральных обязательств с рациональным выбором*. Было предложено два основных варианта соотношения морали и рациональности. Первый из них связан с системами множественных предпочтений, которые включают предпочтения высшего порядка (Д. Хэндс, К. Биччери, Р. Сагден, Г. Стил, А. Сен). Такие «метапредпочтения» (включая моральные принципы) отсеивают «правильные» желания и намерения от «неправильных». Низший уровень рациональности регулирует выбор действий в соответствии с отобранными предпочтениями, которые воспринимаются как заданные величины (что и получило развитие в стандартной экономической теории).

Второй вариант направлен на спецификацию собственно моральных действий, их качественное отличие от соображений личной пользы или выгоды (А. Сен). Сен рассматривает различные виды неэгоистического поведения с точки зрения преобладания в них одного из мотивов – «симпатии» или «обязательства» [Сен, 2016, 257]. Мотив симпатии предполагает, что положение других влияет на благосостояние индивида, в том числе его ощущения удовольствия или страдания. Действия, мотивированные обязательством, направлены на реализацию целей, отличных от собственных интересов, поэтому они игнорируются даже широкой версией рациональности Беккера. Классификация подходов к трактовке неэгоистического поведения представлена в таблице ниже.

Таблица 1. Два вида неэгоистического поведения в концепции А. Сена.

	«Симпатия»	«Обязательство»
Связь с предпосылкой о поиске личной выгоды:	Положение других влияет на собственное благосостояние	Выбор не связан с личным благосостоянием.
Соответствие общепринятому понятию рациональности:	+	-
Современные авторы, разделяющие данные подходы:	Г. Беккер	А. Сен
Утилитаристы, разделяющие данные подходы:	И. Бентам	Дж. С. Милль
Соответствие понятий у А. Смита	«Симпатия» как сильнейшая из страстей	«Беспристрастный наблюдатель» или совесть
Соответствующие основания социальной справедливости по А. Сену	Взаимная выгода	«Обязательство силы»

Источник: составлено автором на основе: [Sen, 1977; Сен, 2016, 255-261, 270-275].

5. Выявлена фундаментальная двойственность этического содержания экономических концепций, которая отражает дилемму между позициями этического субъективизма и объективизма. Под объективным подходом подразумевается возможность внешней, трансцендентной или социальной оценки объекта ценности (с точки зрения «беспристрастного наблюдателя», законодателя или в ходе общественной дискуссии), тогда как в субъективной позиции доминирует сама свобода индивидуального самоопределения (с позиций субъективной пользы). Это приводит к выводу о развитии этической дискуссии в экономической теории в форме движения «маятника» или цикла.

1) В трудах философов и экономистов XVII-XVIII веков эта фундаментальная двойственность была связана с признанием концептуальной значимости *двух систем этики* (которые наиболее чётко обозначил А. Смит в «Теории нравственных чувств»): «вертикальной» и «горизонтальной». Они соответствуют двум типам этических оснований – абсолютным (божественный

закон или природа человека) и относительным (конвенциональные нормы на основе договора, взаимной выгоды). Причём соображения абсолютного характера, как правило, обобщаются в образе «беспристрастного наблюдателя» (явным образом – у Смита, затем неявно – у Бентама и Милля).

У Гоббса и Мандевиля, напротив, явно выражена позиция этического субъективизма. Этические категории, такие как добро и зло, являются лишь выражением индивидуального удовольствия или страдания, и не играют самостоятельной роли. У Гоббса добродетель олицетворяется в естественном законе, поскольку он опирается на принцип *сохранения мира*, являющийся главным моральным благом для автора «Левиафана». Происхождение этого нравственного закона трактуется им в основном эволюционно и материалистически: как принцип, выработанный разумом на основе опыта реализации человеческих страстей. Мандевиль критикует чистую добродетель (честность, бережливость, довольство) как несостоятельный, фиктивный с его точки зрения принцип. Он использует то же понятие добродетели (и добра) в положительном смысле, когда говорит об экономических выгодах, которые сулят общее *цивилизационное* (культурное) развитие – главную ценность в его представлении. С точки зрения движения к этой окончательной цели, необходимо культивировать пороки частных лиц в обществе.

2) В работах утилитаристов XIX века эта дилемма переросла в *противоречивое сочетание гедонизма* (субъективного удовольствия) и *объективных критериев счастья* (которые включают неэгоистические мотивы). С одной стороны, Бентам и Милль постулируют, что полезность выражает индивидуальное ощущение удовольствия, с другой, - пытаются придать ей объективный характер. У Бентама нормативный характер рассуждений обусловлен его взглядом законодателя и проявляется в наделении доверия и мотива благожелательности априорной ценностью, у Милля – наличием в оценке гипотетического морального арбитра. Утверждая единственное стремление к индивидуальному удовольствию, Бентам предполагает, что такое общественно значимое благо, как доверие, всегда имеет наивысшее значение

для индивида среди других типов удовольствия. Поэтому преступление закона невозможно в рамках его теоретической системы, что регулируется рациональностью индивида или его «просвещённой благосклонностью».

У Милля в качестве объективных элементов оценки поведения выступают, во-первых, ценность человеческого достоинства («по вертикали»); во-вторых, индивидуальности («по горизонтали») и созидательной свободы. О наличии первого элемента свидетельствует качественная несравнимость счастья и довольства, продемонстрированная Миллем в знаменитой цитате о довольной свинье и недовольном Сократе (эссе «Утилитаризм»). Свидетельством второму элементу служат постулаты о том, что сам человек составляет конечную цель (нормативный аргумент), и что экономическая эффективность свободных индивидов всегда выше, чем правительства (позитивный аргумент) (эссе «О свободе»).

3) В XX веке эволюция этических взглядов напоминала движение «маятника» вокруг обозначенной дилеммы, которая проявилась не только в выборе ценностей, но и в определении содержания целевой функции агентов – в трактовке полезности и её альтернатив. В начале XX века методология позитивизма обусловила переход от объективного взгляда на ментальную полезность (И. Бентам, Дж. С. Милль, «старая экономика благосостояния» Ф. Эджуорта, А. Маршалла, А. Пигу) к признанию её субъективной природы (У. Джевонс, К. Менгер, Л. Мизес, Л. Роббинс), вплоть до отказа от её прямого анализа («новая экономика благосостояния» П. Самуэльсона, Л. Сэвидж).

Признание того, что полезность имеет субъективную ментальную природу, которая непознаваема напрямую, подтолкнуло, во-первых, к снижению требований к её количественному измерению, во-вторых, к поиску внешнего инструмента её объективной оценки и наблюдения. Ответом на этот вызов стала концепция выявленных предпочтений Самуэльсона, затем – теория субъективной ожидаемой полезности Сэвиджа. Полезность в такой трактовке представляет собой выбор наиболее прибыльной (с учётом субъективной вероятности) альтернативы как выражение согласованных предпочтений

индивида, а не его желаний. Практически – при запрете на межличностные сравнения – это означало, что единственным источником для оценки общественного благосостояния оставались индивидуальные данные о предпочтениях (велферизм). Тот факт, что в велферистской трактовке экономического поведения важны последствия (ментальные или материальные) реализации произвольных предпочтений (без определённого содержания), подводит к мысли о решающей роли свободы в её ценностной базе. Причём акцент в таком случае ставится на её *негативном аспекте*, который обеспечивает свободу выбора ценностей и целей, соблюдение прав и гарантию невмешательства: важен «...свободный выбор без того, что он отражает» [McQuillin, Sugden, 2012].

4) В конце XX – начале XXI века, усиление методологического плюрализма и признание нормативных элементов в предмете экономического познания привело к обратному движению – от индивидуальной *полезности* (в форме предпочтений) к объективным *возможностям*. Одной из основных причин этого перехода стала критика отождествления субъективной полезности, понимаемой как удовлетворение предпочтений, с благосостоянием (как общественно значимым, более объективным понятием).

В результате, был предложен альтернативный критерий «возможностей» для оценки блага в экономической теории (позитивной и нормативной), который предполагает более объективную информационную основу, открывающую пространство для межличностных сравнений, и тем самым для агрегирования, сравнения и социальной оценки в целом (Дж. Ролз, Р. Дворкин, Дж. Коэн, Р. Сагден, А. Сен). Речь идёт о возможности осуществления спектра *видов ценностно ориентированной деятельности*, фактические уровни реализации которых призваны стать критериями для практической политики. В частности, концептуальная альтернатива Сена состояла в преодолении исключительного фокуса на аспекте *благополучия* (увеличения личного благосостояния или счастья) и ослаблении степени абсолютизации индивидуальной свободы - в пользу её *позитивного аспекта*, то есть

объективных последствий её реализации. В основе этого лежит убеждённость Сена в том, что в цивилизованном мире, где обеспечены минимальные права и свободы, значимость таких проблем, как голод, болезни, социальные катаклизмы, существенно возрастает [Сен, 2016, 384-385]. Поэтому вполне обоснованно движение ценностного «маятника» от индивидуальной свободы в направлении более объективных критериев. Обобщение анализа ценностей в экономическом поведении представлено в следующей таблице.

Таблица 2. Ценности, лежащие в основе полезности и возможностей.

Измерители:	<u>Полезность</u> (удовлетворение <u>предпочтений</u>)		<u>Возможности</u>
Ценностные объекты (ценности):	Счастье как ментальное состояние, удовольствие	Благосостояние (Доходы, богатство, ресурсы)	Возможности реализации ценностно ориентированных видов деятельности
Виды свободы:	Негативная (свобода от внешнего вмешательства и исполнение прав)		Позитивная (ценные действия или состояния бытия, включая свободу их достижения)

Источник: составлено автором на основе: [McQuillin, Sugden, 2012; Сен, 2012, 325-354; Сен, 2016, 295-405; Хаусман, Макферсон, 2011, 171-190].

6. Выявлены общие принципы влияния этических ценностей на экономические воззрения: в прямой форме (в качестве нормативных утверждений, не подлежащих анализу), и косвенной (выбор ценностей определяет способ внутренней и общественной координации).

1) У мыслителей XVII-XVIII веков в отношении проблемы общественной координации водораздел проходит иначе, нежели по выбору ценностей, - между Смитом и Мандевилем (доминирование эволюционизма), с одной стороны, и Гоббсом и Локком (конструктивизм) - с другой. Это приводит к выводу о том, что чем определённое задан моральный облик человека (положительный - у Локка, или отрицательный - у Гоббса), тем больше обоснованность договорной, более конструктивистской модели общества. По мнению Локка, люди приходят к образованию государства по разумному

соглашению и в силу осознания своих интересов, тогда как, согласно Гоббсу, гражданская власть представляет собой продукт вынужденного сдерживания индивидуальных разрушительных страстей. Напротив, дистанцирование от «вертикальной» этики создаёт предпосылки для веры в саморегулирующуюся систему общества и экономики. Если у Смита это дистанцирование связано со сложным синтезом его этических взглядов (в «Теории нравственных чувств» и «Богатстве народов»), то у Мандевиля оно является выражением его этического релятивизма. Так, прямое влияние беспристрастного наблюдателя устраняется в «Богатстве народов», поскольку саморегулируемый механизм собственного интереса на базе симпатии является более надёжным средством для достижения замысла первого – всеобщего благосостояния [Kerpler, 2010, 141]. По мнению Мандевиля, напротив, только пороки, ограниченные, тем не менее, действенным правосудием, способствуют экономическому и культурному развитию общества.

Для мыслителей более ранней эпохи характерно также прямое влияние этических воззрений на формирование экономических категорий. Нравственное чувство «симпатии» и основанный на нём мотив честолюбия лежат в основе конкурентного (честного) рыночного обмена у Смита, труд как выражение абсолютного достоинства человека является обоснованием трудовой теории стоимости и собственности у Локка. Кроме того, нормативный этический характер аргументации Смита проявляется в признании им необходимости начального образования и критике рабства, Локка – в объяснении возникновения общества «испорченностью» человека.

2) Проблема социально-экономической координации для утилитаристов XIX века проявляется в противоречивом соотношении *индивидуального и общественного интересов*. Речь идёт об априорной ценности доверия и «парадоксе законодателя» Бентама, как неявной предпосылке о необходимости внешнего регулирования гипотетическим законодателем якобы свободных индивидуальных целей. Корни этого парадокса состоят в том, что Бентам считал благожелательность (действия на благо общества) приоритетным

мотивом с точки зрения принципа полезности. У Милля, в свою очередь, обнаруживается принципиальное сочетание ценностей общественного духа (заинтересованности) и индивидуальной свободы. Следовательно, он приходит к выводу о необходимости рыночной координации с элементами конструктивизма на стадии «воспитания» личности.

В собственно экономических рассуждениях Милля этические ценности фигурируют как позитивный фактор экономического прогресса, а также как нормативный критерий выбора системы распределения. Позитивный аспект раскрывается в том, что свободный выбор формы распределения (на примере кооперативного движения), через улучшение экономической мотивации, благотворно влияет на производство. Нормативный аспект проявляется в том, что выбор системы собственности на средства производства должен осуществляться в соответствии с ценностью индивидуальной свободы и общественного духа, что отражает синтез этических воззрений двух его эссе - «О свободе» и «Утилитаризм».

3) В XX – начале XXI века стыковочной проблемой между этикой и экономической теорией выступают *основания рациональности* и, соответственно, *социальной справедливости*. В эволюции экономической мысли этого периода просматривается взаимосвязь между приверженностью экономистов позитивистской методологии и концепции рациональности, а также ценностям благополучия, негативной свободы и достижению рыночной *эффективности* (А. Маршалл, В. Парето, А. Пигу, Н. Калдор, Дж. Хикс). С другой стороны, позиции методологического плюрализма как правило соответствует расширенное толкование рационального поведения (с учётом морали), поддержка ценностей позитивной свободы, объективных достижений и деятельности, а также акцент на важности *распределительной справедливости* (Дж. Ролз, Р. Дворкин, А. Сен, Р. Сагден) в вопросах общественной координации. Если акцент ставится на унифицированной модели рациональности (основанной на стремлении к благополучию) и общественной эффективности, то предпочитается путь рыночной координации (Дж.

Бьюкенен, Ф. Хайек). Напротив, следствием расширения трактовки рационального поведения до действий, мотивированных обязательством или иными самостоятельными идеями, и, соответственно, актуализации справедливого распределения (на основе этических концепций равенства), являются предложения по конструктивному преобразованию рыночного хозяйства. Взаимосвязь этических позиций и подходов к проблеме экономической координации в дискуссиях XX – начала XXI века можно представить в форме следующей таблицы.

Таблица 3. Взаимосвязь этических оснований и проблем координации в нормативных дискуссиях XX – начала XXI века.

	«Велферизм» (1 этап)	«Пост-велферизм» (2 этап)
<i>1.1.Источник блага:</i>	Объективный (утилитаризм), затем субъективный (позитивизм 1 пол. XX века)	Объективный
<i>1.2.Критерии блага:</i>	Полезность	Возможности
<i>2. Доминирующие ценности:</i>	Негативные свободы	«Виды функционирования»
<i>3. Рациональность и мораль</i>	Нет конфликта: польза поглощает мораль	Есть конфликт: польза versus обязательство
<i>1.1.Философско-этические основания социальной справедливости</i>	Унифицированные (взаимная выгода)	Множественные (взаимная выгода и «обязательства силы»)
<i>1.2.Акценты в общественной координации:</i>	Эффективность	Распределение
<i>1.3.Формы общественной координации:</i>	Эволюционная (рыночная)	Эволюционная (рыночная) с конструктивистскими элементами

Источник: составлено автором.

4) В целом, на протяжении четырёх столетий, в вопросах взаимодействия этики и экономической мысли наблюдается своего рода «маятник», который первоначально двигался от моральной философии (XVII век), в направлении ухода от этики (XVIII - нач. XX века), и с середины XX века вновь вернулся к явному обсуждению этически значимых параметров экономического поведения. В рамках дискуссий XX – начала XXI столетия движение «маятника» можно охарактеризовать двумя этапами: «отказ от этики» и

«возвращение к этике». Оно проявилось сразу в трёх плоскостях: 1) в методологических дискуссиях экономистов 1 половины XX века, 2) в общих тенденциях методологии науки середины – конца XX века, 3) в развитии нормативной экономической теории XX – начала XXI века.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ.

Статьи в научных рецензируемых изданиях, включённых в Список МГУ по экономическим специальностям

1. Утилитаризм И. Бентама и Дж. С. Милля: от добродетели к рациональности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика. 2017. Том 33, вып. 1. С. 17–35. (1,53 п.л.)
2. Этическая дилемма нормативной экономической теории // Вопросы экономики. 2017. №3. С. 103-119. (1,26 п.л.)
3. Рациональность, мораль и экономическая координация: контуры взаимодействия // Journal of Institutional Studies. 2017. Том 9, №2. С. 46-62. (1,45 п.л.)

Статьи из перечня научных рецензируемых изданий, рекомендованных ВАК России:

4. Проблема ценностей в философии хозяйства С.Н. Булгакова и её актуализация в современной экономической методологии // Экономика образования. Научно-методический журнал / Костромской гос. ун-т им. Н. А. Некрасова, Экономический совет Федерального агентства по образованию². 2011. №3. С. 183-187. (0,5 п.л.)

Публикации в прочих изданиях:

5. Сушенцова М.С. Дж. Локк и А. Смит как моральные философы и экономисты // Философия и методология экономики: предметные рамки и направления развития: ежегодная научная конференция кафедры философии и методологии экономики; Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, Экономический факультет; 3 декабря 2015 г.: Сборник статей / Под ред. Л.А. Тутова. – М.: МАКС Пресс, 2015. С. 124-133. (0,49 п.л.)
6. Сушенцова М.С. Этически нейтральная экономическая теория: реальность или иллюзия? // Теоретическая экономика: онтологии и этика

² Данный журнал входил в перечень ВАК в год публикации указанной статьи.

/ Под ред. О. И. Ананьина. - М.: Институт экономики Российской академии наук, 2013. С. 150-172. (1,01 п.л.)

7. Христианский и гуманистический подходы к образу хозяйствующего субъекта в работах С.Н. Булгакова и Э. Фромма // Вестник Киевского Национального Университета: серия Экономика. 2011. №131. С.49-53. (0,64 п.л.)